

Э.П.Риммер,
заслуженный работник культуры РФ,
главный специалист
Череповецкого музейного объединения

Из истории создания Череповецкой губернии.

Если историю нашего города изложить в самом сжатом виде, то она будет выглядеть приблизительно так: 139 лет Череповец, как уездный город, пребывал в составе Новгородской губернии, работая во благо «водяной коммуникации» (1780 – 1918 гг.). Затем 9 лет он носил высокое звание губернского города (1918 – 1927 гг.), после чего ранг ему заметно снизили, и Череповец 10 лет служил в качестве окружного центра Ленинградской области (1927 – 1937 гг.). Наконец наш город бросил якорь в Вологодской области, и в его груди забились и вот уже полвека денно и ночью бьется жаркое «северсталево» сердце.

Наметив главные вехи, мы остановимся на губернском периоде. Еще в 1870 году городской голова Иван Андреевич Милютин (ставший еще более известным в свете событий последних дней) добился ликвидации двух соседних уездных судов – Белозерского и Устюженского – с тем, чтобы они объединившись, составили единый центральный Окружной суд с местопребыванием его в Череповце. Позднее к ним присоединился Тихвинский уезд, перечисленный из Новгородского судебного округа по настоянию уже другого череповецкого городского головы Афанасия Васильевича Черняева. Вот из такой рассады и пошла в рост Череповецкая губерния. В фондах Череповецкого музея хранится один любопытный документ – частное письмо из Тихвина в Череповец, написанное 9 марта 1911 года и адресованное А.В.Черняеву. Вот небольшой фрагмент из него:

«В журнале Новгородского губернского правления записано, что при такой раскинутости Новгородской губернии управлять ею и при отдаленности Северных уездов затруднительно и невозможно, а потому признано возбудить ходатайство, чтобы изменить границы губернии для лучшего управления. К югу от Новгорода из Псковской губернии перечислить два уезда, Холмский и еще какой-то, а в Северной части Череповец сделать губернским городом и причислить к нему также два уезда (...), по всей вероятности, Тихвинский и Устюженский, и тогда губерния будет кругленькая, если еще не прибавят к ней Весьегонска или Пошехонья. Ведь все эти были когда-то Новгородские. Не знаю, знаете ли Вы о том, что пишу, или нет, но зная, что Вы и Черепане интересовались и интересуетесь упомянутыми вопросами, спешу Вам написать, разделяя сердечно с Вами интересы, и также сердечно желаю, чтобы упомянутые вопросы осуществились на самом деле в исполнение желаний и стремлений глубоко нами почитаемого и поминаемого Ивана Андреевича Милютина, он намечал будущность Череповца и по воле Божией, конечно, не дожидаясь этого».

Вот откуда эти росточки пошли – от Ивана Андреевича! Но пока эта идея прокручивалась и усваивалась бюрократической машиной, время ушло. Первая мировая

война отодвинула в сторону все мирные планы, что, в конце концов, привело ко всем известным событиям 1917 года.

14 февраля 1918 года в Советском государстве был введен новый календарь, сдвинувший российский «численник» на две недели вперед, и этот акт как бы приблизил Россию к Европе. Теперь солнце вставало и у нас, и у «них» в один и тот же календарный день, и даже раньше. Однако это обстоятельство ни коим образом не могло повлиять на сложившееся в стране чрезвычайное положение. Революция выглядела бы гораздо привлекательней, а идеи более доходчивы, будь у нее хлеб. Пятого марта, когда пришел Великий пост, по городу ходила угрюмая шутка: «У нас всю зиму Великий пост, а вот когда ему конец будет?».

Вот каково было движение цены на пуд ржаной муки в нашем северном районе, где рожь да овес были опорой сельского хозяйства. Перед тем как начаться первой мировой войне цена на пуд ржи «гуляла» туда-сюда вокруг 1 рубля. Пришла война, и цена лихо побежала вверх: в июне 1915-го на германском фронте бои шли еще в районе Варшавы – хлебный пуд поднялся к 1 рублю 95 коп., в июне 16-го – 2 руб. 50 коп. Еще через год, в июне 17-го, когда уже и монархия рухнула, а Временное правительство решило довести войну «до победного конца», ржаная мука, продаваемая по карточкам, отпускалась по 4 рубля. И, наконец, 1 июня 1918 года – революция, разруха – все тот же пуд муки вообще «зашкалило»: 80 рублей! А в конце того же месяца – 120 рублей. А на рынке только обмен: хлеб на табак.

Первый сигнал для уездных начальников Череповца прозвучал в конце января 1918 года. Три тысячи голодных крестьян собрались на городском рынке. Они требовали одного: «Дайте хлеба!». И целый день стояли в ожидании решения Исполкома. Когда стемнело «зачинщики» были арестованы, не обошлось и без предупредительной стрельбы в воздух. И только после этого в Питер был послан гонец. Он вернулся с двумя вагонами хлеба. Эта история, зачерпнутая из книги свидетеля тех лет П.Павловцева «Незабываемые годы», заканчивается так: «... раздача продовольствия в значительной степени успокоила население».

Но двух вагонов хватило не надолго. Через два месяца «голодный бунт» повторился. Как сообщала городская газета, в апреле в Череповце было введено осадное положение, когда «тихий, спокойный городок огласился выстрелами из пулеметов и ружей. Голодные толпы граждан явились в исполком Совета». Они «потребовали осмотра «своим глазом» (так в тексте. – Р.) всех интендантских магазинов». Люди, намеревались тут же приступить к дележу сухарей и селедки. «При разгоне толпы в первые два дня оказался один убитый и двое раненых», - сообщила череповецкая газета «Известия Череповецкого Совета». И это писала газета, вполне лояльная новой власти.

Однако большевикам удалось, вопреки прогнозам их противников, с большими трудностями, с большими потерями, но победно выйти из этой, казалось бы, если воспользоваться ленинской фразеологией, «архизатруднительной ситуации».

26 марта в Череповце собрались представители Северных уездов. В первую очередь они обсудили вопрос «о выделении 5 уездов в продовольственную единицу, а потом уже и в административную» – Череповецкую губернию.

Доклад сделал председатель Череповецкого уездного исполкома И.В.Тимохин. Как бывший сельский учитель, он последовательно по полочкам разложил перед участниками собрания свои соображения в пользу выхода «пятерки» из Новгородской губернии:

«... во-первых, для более скорого получения нарядов на провоз продовольствия; во-вторых, дальность расстояния до Новгорода; в третьих, неудобство сообщения с Новгородом через Петроград; в четвертых, оторванность в экономическом отношении от Новгорода; в пятых, разница в земельных и климатических особенностях: в шестых, выгодное положение г.Череповца, находящегося при железной дороге Северной магистрали и при Мариинской водной системе, ведущим в места, изобилующие хлебом, почему здесь грузы могут получаться скорее и легче, чем через Новгород».

Можно предположить, конечно, что к «сепаратным» действиям «северян» мог подтолкнуть, подписанный Лениным декрет «О порядке изменения границ губерний и уездов» (25 января 1918 г.). Содержание правительственного документа придало решимости Тимохину, что позволило ему принять на себя роль лидера «уездной пятерки». Доклад его был принят с одобрением, что отразилось в заключительном коммюнике: «Собрание представителей пяти северных уездов – Череповецкого, Кирилловского, Белозерского, Тихвинского и Устюженского, обсудив вопрос об отделении названных уездов от Новгорода в административном и экономическом отношениях и образовании самостоятельного губернского центра (...) в гор. Череповце, расположенном на железнодорожной линии и Мариинской водной системе, связанном жизненно уже давно с четырьмя северными уездами.

О настоящем постановлении уведомить Новгородский исполнительный комитет, послав туда делегата за согласием от Новгорода, вместе с тем послать двух делегатов в Совет Народных Комиссаров с ходатайством утвердить вынесенное постановление...»

В Москву отправились комиссар труда А.П.Кравченко (одна из самых активных деятелей череповецкой партии большевиков), и И.В.Тимохин – председатель Черисполкома. Обходя совнаркомовские кабинеты, чтобы проследить за прохождением своих документов, они на себе ощущали тревожно-напряженную работу Кремля. Из-за хронического недостатка времени СНК собирался почти ежедневно в 8-9 часов вечера и до глубокой ночи. В такие «сверхурочные» часы наркомы Ленина рассматривали и утверждали так называемые декреты Советской власти, поскольку все прежние законы, гражданские и уголовные, были отменены. Государственность начиналось заново, с белого листа. И как следствие по стране покатили волны насилия и бандитизма, а право отсутствовало. Ревтрибуналы, заменившие суды, руководствовались не законами, а «революционным сознанием» и «классовым чутьем», скрепленным совнаркомовскими декретами. Позднее остряки окрестят первые годы Советской власти «декретным периодом».

Первое заседание Череповецкого ревтрибунала состоялось 16 января 1918 г. в помещении бывшего Окружного суда под председательством И.Селина. Рядом с ним сидели два заместителя или, как тогда говорили, употребляя терминологию, оставшуюся от царского режима, два товарища председателя – Юров и Кобачинский. Селин произнес свою краткую, но историческую речь:

– Мы являемся сейчас свидетелями народного революционного суда, суда совести и справедливости. Отныне здесь будут судить крестьяне и рабочие, а не губернаторские сыновья.

Суд был скорым, а значит справедливым, ибо не оставлял времени для мягкотелого размышления.

Не ожидая, когда придет из Москвы постановление об организации губернии, объединенные уезды продолжали «проводить в жизнь решения 2-ого съезда Советов Череповецкого уезда». А в тех решениях много чего было записано. Например, запустить в работу путем конфискации те фабрики и заводы, «хозяева которых продолжают саботаж» и наладить строгий рабочий контроль за производством; национализировать речной флот и конфисковать все, что к нему относилось; ликвидировать частную торговлю, а товары распределять по карточкам. Особое внимание уделялось организации трудовых артелей

В середине мая из Москвы пришло известие: Совнарком утвердил объединение пяти северных уездов, а 5 июня в Череповце открылся первый губернский съезд Советов. Чтобы связать это событие с политической ситуацией, сложившейся в стране, можно вспомнить, что две недели назад Владимир Ильич, выступая на I Всероссийском съезде финансовых работников, объявил войну, скажем так, преуспевающему крестьянству: «Мы назначим самый краткий срок, в течение которого каждый должен сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить новые. Если сумма эта окажется небольшой – он получит рубль за рубль. Если же она превысит норму – он получит лишь часть. Мера эта, несомненно, встретит сильное противодействие не только со стороны буржуазии, но и со стороны нашего крестьянства (...) Борьба будет тяжелая...». Вождь предупреждал открыто и со всей серьезностью.

Вскоре, как обухом по голове, на крестьян обрушился 10-ти миллиардный «чрезвычайный революционный» налог. Селяне называли его «контрибуцией». Каждому селу предъявлялся «анкетный лист», где была обозначена налоговая сумма, а так называемые «комбеды» («комитеты бедноты») решали, какому двору сколько платить и, не дай Бог, чтобы за кем-нибудь осталась недоимка. А вот выдержка из телеграммы Ленина (текст ее ныне широко известен) в Пензенскую губернию:

«... Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. (...) Образец надо дать. 1) Повесить (неприменно повесить, чтобы народ видел) не менее 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийцев и т.д. Ваш Ленин (...)». Сурово? Да, но деньги «повешенных кулаков» шли на благое дело. В частности из них оплачивались расходы на мировую революцию: «...Совет Народных Комиссаров считает необходимым придти всеми возможными, в том числе денежными, средствами на помощь левому интернациональному крылу рабочего движения всех стран, совершенно независимо от того, находятся ли эти страны с Россией в войне или сохраняют нейтральное положение.». Текст подписали В.И.Ленина и комиссар иностранных и военных дел Л.Троцкий.

А в Череповце, бушевал первый Съезд новорожденной губернии. Обратимся к очевидцу тех далеких событий П.Павловцеву («Незабываемые годы»): «Правый сектор съезда составлял менее половины. Он во что бы то ни стало хотел сколотить большинство и повести за собой делегатов. Однако расчеты меньшевиков и эсеров окончательно провалились. Съезд заклеил позором антинародную политику предателей и призвал

все трудовое население сплотиться вокруг Советов, направить все свои силы на углубление и развитие революции». Ну, как тут «трудовому населению», а проще говоря, крестьянам, которых на съезде было большинство, как же они могли не «сплотиться вокруг Советов», когда «высшая мера социалистической защиты» всегда была наготове?

«Председателем губисполкома, – продолжал Павловцев, – сначала был выдвинут тов. Свинцов. Но он не оправдал оказанного доверия, оказался человеком малоинициативным и неавторитетным. Поэтому вскоре, буквально через месяц, его пришлось заменить старым большевиком...Иваном Васильевичем Тимохиным».

Вот тут следует разобраться. «Губернскую кашу» заварил И. Тимохин, и вдруг, на тебе!, «губернатором» становится Свинцов – человек «малоинициативный, неавторитетный». Павловцев, столь дурно описавший характер Свинцова, более о нем не вспоминал, словно его и не было вовсе. Кстати, А. Бланк и Н. Озеринин в книге «Победа Советов в Череповецком уезде», вышедшей в свет в 1957 году, о Свинцове не сказали ни слова.

Чем же объяснить такое умолчание? Открываем в архиве ЧерМО папку с «Делом Свинцова». Вот, что в ней было (конспективно): «П.П.Свинцов родился в 1898 году в семье батрака Белозерского уезда. Окончил сельскую школу – 4 класса. С 12 лет работал по найму, пас скот у соседнего помещика. Затем сплавлял лес. С 1914 по 1917 работал в Петрограде на частных предприятиях. Принимал участие в демонстрации 1 мая 1917 года. Не раз слушал Ленина.

Начиная с декабря – уездный комиссар продовольствия в Белозерске. Там он получил партбилет за № 1. (Хранится в Белозерском музее). В 1918 избран от Белозерского уезда на 1-ый губернский съезд Советов. На съезде был избран председателем Губисполкома. На фракции при выдвижении пытался отказаться по причине того, что молод, неопытен. Однако товарищи не приняли этого, заявив, что все не имеют опыта».

Далее говорит сам Свинцов (из письма к журналистке Р.Мининой, сотруднику газеты «Коммунист» в 1977 г.): «Убедившись, что пост мне не по плечу, я в начале сентября попросил освободить меня от должности. Просьба была удовлетворена. Председателем стал Тимохин. Он пользовался всеобщим уважением. Я же чувствовал сильное переутомление. Впоследствии по просьбе Тимохина был назначен заведующим губернским отделом народного образования, затем зам. председателя Губсовнархоза. Моя судьба сложилась драматично. Считаю долгом сообщить, что был исключен из партии, хотя теперь состою в партии, но стаж прерван. Скажу также, что несмотря на пережитое в жизни, я всегда работал с вдохновением, честно, следуя Ленинским заветам».

Именно по причине исключения из партийных рядов Свинцова, пусть впоследствии и восстановленного, имя его растворилось «в буднях великих строек». А тогда, в 1918 году, Свинцову исполнилось 20 лет! Для юноши «губернаторский груз» оказался неподъемным. Через три месяца, а не через месяц, как пишет Павловцев, Свинцова переместили в череповецкий Совнархоз.

Хранилось в той папке еще одно письмо Свинцова, адресованное Череповецкому краеведческому музею: «Дорогие товарищи! Позвольте мне с моей супругой Валентиной Никоновной принести Вам сердечную благодарность за оказанный прием нас,

проведенную на высоком качественном уровне экскурсию, а также за присланные удачно выполненные снимки». Не могу удержаться, чтобы не сказать, что проводить экскурсию по музейным залам поручили мне – тогда молодому сотруднику краеведческого музея.

Однако вернемся в 1918-й год. На Воскресенском проспекте в двухэтажном доме №16 появились новые хозяева. Над окнами первого этажа висят две доски, предупреждавшие население, что здесь находятся «Президиум Череповецкого Губисполкома» и «Народный Комиссариат внутренних дел». Первый этаж занимал НКВД – гроза бандитов и спекулянтов, отвечающий за организацию власти на местах. В кабинете второго этажа за рабочим столом сидит товарищ средних лет с короткой солдатской стрижкой и усиками над крепким подбородком с «ямочкой». На нем надета темная полувоенная косоворотка, затянутая у пояса кожаным ремешком. На столе стоит чернильный прибор, оставшийся, очевидно, от прежних хозяев, и настольные часы. Вот так выглядел председатель Череповецкого губисполкома И.В.Тимохин.

А на Воскресенском проспекте, во всю его длину, расселились административные учреждения: «Губпродком», «Уотнаробраз», «ЧерКПО», «ГубЧК» и т.д.

Был еще один, первой важности, орган губернского управления: Совет Народного Хозяйства. Председательствовал в нем человек во всех отношениях надежный – один из организаторов первой большевистской ячейки в Череповце – Федор Михайлович Чернов. К тому же Федор Михайлович являлся «товарищем» («заместитель» в то время еще не был в обиходе) председателя Губисполкома Тимохина (молодой Свинцов был переведен в замы к Чернову).

Сотрудники Чернова сидели довольно плотно на Советском проспекте №30(а) (сейчас здесь находится городской музей). Кстати, все экономические отделы Губисполкома (финансов, труда, продовольствия) перекочевали под крыло ВСНХа. В новом ведомстве от них требовалось точное знание того, что осталось в их закромах после революционной встряски. Вот губерния и принялась писать и предписывать, считать и учитывать, казнить и миловать, убеждая своих подданных, что умеренность в потреблении есть первая добродетель сознательного гражданина республики. Словом, в Череповце крепко и по-хозяйски обосновался «военный коммунизм».

То был период, когда распределительная экономика Советов стояла на четырех китах: Наркомате продовольствия, Комиссии использования, Главтопе, что означало Главный топливный комитет, и на Главном комитете по проведению трудовой повинности (Главкомтруд). Первый из них, Наркомат продовольствия, занимался распределением тех или иных продовольственных ресурсов. Комиссия использования вела учет имеющихся запасов материальных продуктов, производила расчет в их потребности, разрабатывала планы распределения и устанавливала розничные и оптовые цены. Главтоп занимался самыми жаркими делами, т.е. топливом. И, наконец, Главкомтруд проводил мобилизацию населения, чаще всего принудительную, для работы на лесозаготовках, на строительстве, на разгрузке вагонов и пр. Интересно, что при этом резко падала вниз разница в оплоте труда рабочих высшей и низшей категории, которая в 1920 году составила 2%, чему способствовала натуральная оплата труда во всех сферах народного хозяйства. Введение «военного коммунизма» для экономики страны имело катастрофические последствия, особенно для малых городов, каким являлся Череповец с его сельскохозяйственным уездом.

В таких условиях надежду на светлое будущее могли влить в население только высокопоставленные пропагандисты и глашатаи новой власти.

В конце сентября 1919 года в Череповце в здании нового театра работает 5-й очередной губернский расширенный съезд Советов. Делегаты съезда в течение трех часов слушают речь особо уполномоченного ВЦИК тов. Подвойского Николая Ильича (1880-1948) – члена РВС республики, участвовавшего с 1918 года в создании Красной Армии: «Посмотрите на бесконечные земли, которые занимает Череповецкая губерния, везде стелется необъятное пространство, которое представляется пустыней. Разве вы не знаете, что это – богатейшие земли, что внутри этой земли лежат, как на Кавказе, медные, серебряные, алюминиевые руды, разве вы не знаете, что здесь есть серные источники, что реки кишат рыбой, что в лесах пушнины не обобрать, что кругом вас безмерное богатство ожидает вашего труда, и что земля, которая сегодня не родит, мокрая, не высушенная – обратится в рай, если будет приложен труд человека. Ни одного кусочка земли не должно быть свободным. И когда это мы сможем сделать, мы смело скажем, что не будет голодного, что у человека будет сытая довольная жизнь. И я верю, что Череповецкая губерния не чужими руками, не чужеземным правительством, а освободившимися крестьянами будет превращена из болот в цветущую мощную губернию».

На съезде выступил также нарком путей сообщения с 1918 года – Владимир Иванович Невский (1876-1937) – государственный и партийный деятель, историк, с 1924 года директор библиотеки им. Ленина. После их отъезда в газете появилась заметка и в ней такие слова: «Закончился съезд. Уехали Невский и Подвойский и все по-прежнему: кто живет в изобилии, а кто голодает, мерзнет ...»

В начале ноября газета «Известия Череповецкого Совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов» опубликовала программу празднования первой годовщины Октябрьской революции.

«7 ноября Соборная площадь. Митинг. Шествие с 11 часов с оркестром музыки и пением рев. песен.

В здании Клуба коммунистов (Воскресенский пр. 29) – детский праздник. Такой же вечер будет в помещении приходского училища (рядом с казначейством). Самые маленькие дети приглашаются в дом Евлашева на Крестовской улице. В «Соляном городке», техническом училище и в гимназии - спектакль.

Народный дом имени Октябрьской революции. На 8-е ноября в 6 часов вечера назначается открытие Народного дома имени».

Так закончился первый год пролетарской революции в Череповце, в городе, показавшем свой характер первопроходцев.